

КАТЕГОРИЯ СТИЛЯ В АСПЕКТЕ РИТОРИКИ И ГЕРМЕНЕВТИКИ

Изучение *стиля* началось еще в античности и насчитывает свыше двух тысяч лет. Парадоксально, что при наличии казалось бы вполне определённой субстратной основы *стиля* как явления – естественного языка – *стиль* как предмет изучения сам по себе сродни неуловимой «бестелесной сущности» [1:8], зыбкой в размытых границах своего понятия.

Относительно содержания *стиля* и стилистики существует самые разнообразные точки зрения вплоть до отрицания *стиля* как явления (например, точка зрения Б. Грея). Очевидное заключение относительно некоего *единства стиля* как его основы видится по-разному. В качестве такой основы называют формы видения (Х. Вёльфлин), единство перцепции (П. Хайзер), художественную волю (И. Ригель), психологию личности (К. Фосслер), психологию социальных групп (Л. Шюккинг) и др. Как бы ни расходились мнения исследователей, «следы» *стиля* замыкаются в первую очередь на языковом (дискурсивном) материале, что стимулирует к поиску субстанции *стиля* в рамках языковых (дискурсивных) единиц и позволяет говорить о *стиле* как о категории лингвистической. Прежде чем связать категорию *стиля* с риторикой и герменевтикой уточним само понятие *стиля*.

Возможность изучения *стиля* в различных лингвистических аспектах обоснована в ставшей классической в отечественной традиции концепции В.В. Виноградова, который выделил три стилистики: стилистику языка, стилистику речи и стилистику художественной литературы [4:5].

Стилистика языка представлена В.В. Виноградовым как структурная стилистика, поскольку «описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как «системы систем» [4]. Такой подход восходит к концепции Ш. Балли, согласно которой в языке сосуществуют многочисленные синонимические формы и их ряды, один из последних представляет собой «нейтральный фон», а другие отличаются той или иной дополнительной окраской. При этом не вполне очевидным представляется, где искать тот самый «нейтральный фон» как нейтральную разновидность литературного языка и в какой сфере он функционирует.

Отсутствие однозначного ответа на этот вопрос наталкивает на мысль о том, что предметом исследования стилистики языка является сугубо абстрактный конструкт, не существующий в реальности, при искусственном моделировании которого «куда-то улетучивается категория единства *стиля*» [1:10]. Язык как система вряд ли имеет *стиль*.

Категория *стиля* в антропоцентрической научной парадигме выходит за рамки традиционной стилистики функциональной (в понимании В.В. Виноградова), во многом исчерпавшей свои объяснительные возможности. Программный постулат функциональной стилистики относительно языковых отклонений «*антифункционален* и поэтому ошибочен» [2:127] (курсив мой – С.М.). Общим недостатком функционально-стилистического подхода является то, что функциональная стилистика – наука об эталоне литературного языка, а не о его реальном функционировании.

Стилистика речи в определенном смысле приближена к реальному функционированию языка. «На долю стилистики речи выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно обусловленными видами устной и письменной речи. Ведь такие композиционные формы устной и письменной речи, как, например, выступление в дискуссии, лекция, консультация, пресс-конференция, доклад, беседа с той или иной аудиторией и т.п., обычно строятся на многообразном чередовании или смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка» [4:15].

Обращаясь к стилистике речи, по замыслу В.В. Виноградова, следует полагать, что единство стиля связывается с применением языка. Однако в сути понятия *применение* нет ясности: если что-то используется, то должны существовать правила такого использования, обусловленные потребностями и мотивами; также весьма затруднительно ответить на вопрос, что представляют собой такие правила и где они локализованы.

Широкая распространенность в лингвистической литературе термина *функционально-речевой стиль* представляется какой-то непосредственной языковой данностью. Однако «это всё-таки не непосредственная данность, а научная абстракция, для достижения которой требуется отбор и оценка очень разнообразных языковых фактов и учет целого ряда внеязыковых факторов» [8:29] (курсив мой – С.М.).

Функционально-речевой стиль как модельная разновидность литературного (и даже шире – общенародного) языка, соответствующая определенным регулярно воспроизводимым нормам использования языковых (дискурсивных) единиц, вероятно, может рассматриваться в числе категорий риторических, поскольку непосредственно связывается с закономерностями применения языка и обучением построению эффективной воздействующей речи. В этом смысле современное возрождение стилистики в дискурсивной научной парадигме представляется глубоко закономерным, поскольку в центре ее внимания оказывается деятельностное применение языка.

Изучение стиля как явления динамического в аспекте деятельностного применения языка требует определенного терминологического уточнения самого понятия *стиль*. За рамками классической концепции стиля В.В. Виноградова в русле антропоцентрической научной парадигмы кажется уместным введение термина *стиль общения* (или *коммуникативный стиль*). В этом смысле стиль понимается как *типичная/типовая манера коммуникативной деятельности, маркированная системой определенных динамических (дискурсивных) единиц*. Типичность коммуникативной деятельности охватывает как коллективное, так и индивидуальное. Общеизвестен парадокс Ш. Балли: язык функционирует в индивидуальном применении, оставаясь неизменным. В этом смысле риторика и герменевтика обращены к познанию двух сторон одной сущности – процесса реальной коммуникации.

Категория коммуникативного стиля, с одной стороны, риторична. Она связывается с проблемами выделения сфер общения и лингводидактических единиц, позволяющих в их рамках обучать эффективной коммуникации. В таком контексте традиционные размышления о нормативности как о правильности, образцовости выглядят архаичными, поэтому, нельзя не согласиться с О.Г. Ревзиной в том, что функциональный стиль (в чистом виде) – это «ограниченный человек, когда у него ничего не остается, кроме заученных сценариев и социокультурной инерции» [7:20]. В этом отношении задача формирования коммуникативной компетенции как основы эффективного общения видится в развитии «способности выходить за рамки функционального стиля» [7:11-12], ситуативно менять коммуникативно-стилевые регистры, что является признаком гибкости, творческого отношения к языку и полноценной эффективной языковой личности, способной к рефлексии и герменевтическому общению, которое предполагает практическое интерпретативное использование коммуникативных риторико-стилистических технологий и конкретную дискурсивную реализацию их с учетом контекстности, направленную на постижение личностных смыслов другого человека.

Заметим, что идея расширения границ функциональной стилистики отнюдь не нова в лингвистике. О дефиците отношения традиционной стилистики к человеку писал еще Г.О. Винокур [см. об этом: 5]. На каком-то этапе развития стилистика оказалась «в известной степени «отлученной» от генетически присущих ей контактов с речевым поведением носителей языка в процессе общения» [5:5].

Таким образом, при изучении стиля общения на первый план выходит актуальность мотивировки отбора вместо механического анализа конечного, стилистически оформленного вида высказывания, что свидетельствует о восхождении стилистики на новую ступень.

Рассматривая коммуникативный стиль как типичную манеру коммуникативной деятельности, как исключительно перспективную мы оцениваем идею построения типологии индивидуальных стилей деятельности человека и соответственно – языковых личностей». Коммуникативная деятельность, безусловно, коррелирует со сферами и практиками общения.

Здесь нас в первую очередь интересует сфера управления и *управленческая коммуникация*. В этом отношении можно говорить о *стиле управленческого общения* как типичной манере коммуникативной деятельности руководителя, в которой могут реализовываться *стили руководства*. Под *стилем руководства* в менеджменте традиционно понимают «качественную характеристику деятельности руководителя, совокупность *конкретных способов его воздействия на исполнителей*» [3:165] (курсив мой – С.М.). В русле «гуманистического» подхода к руководству человеческими ресурсами, который в конце XX в. пришел на смену «технократичному» основным инструментом воздействия выступает речь. По этой причине основным критерием типологизации стилей управленческого общения полагаем целесообразным считать выбор доминирующих способов речевого воздействия на подчиненных, реализующихся в определенных типовых речевых тактиках.

В соответствии с традиционно выделяемыми стилями руководства, которые разработаны в теории менеджмента [3], можно выделить три стиля управленческого общения: директивно-императивный соответствует авторитарному стилю руководства, аргументативно-информативный – демократическому, а этикетно-фатический – либеральному (или попустительскому). Стиль всегда характеризуется интенционально обусловленным принципом отбора и комбинации наличных языковых средств. Примем, что директивно-императивный стиль общения связан с реализацией макроинтенции, направленной на управление деятельностью слушающего с целью реализации им производственных задач; аргументативно-информативный – с реализацией макроинтенции транслирования информации и аргументации с целью воздействия на сознание (и поведение) слушающего; этикетно-фатический, соответственно, направлен на формирование взаимной благосклонности между говорящим и слушающим.

Относительно целесообразности и эффективности использования того или иного стиля руководства проведены исследования в области теории менеджмента [см.: 3]. С лингвистической точки зрения здесь представляет интерес эффективность не столько производственной деятельности, сколько коммуникации (хотя они могут находиться как в прямо пропорциональной, так и в обратно пропорциональной зависимости).

Анализ скриптов, составленных на основе магнитофонных записей, хронометрирующих общение руководителя с подчиненными в течение полного рабочего дня, показал, что из трех сфер коммуникации (военнослужащих, представителей бюджетной и коммерческой сфер) наиболее ригидно (моностилистично, «некреативно») общение военнослужащих (доминирует директивно-императивный стиль управленческой коммуникации). Между бюджетной и коммерческими сферами, с точки зрения переключения стилистических регистров, различий почти не наблюдается. Наблюдаемые стилистические особенности связаны скорее в индивидуальными личностными особенностями как руководителя, так и подчиненного.

Приведем предметный образец. Портрет руководителя коммерческой структуры X глазами подчиненных (по материалам анонимного анкетирования с указанием частотности): самоуверенный (8), заботливый (6), демократичный (6), деспотичный (4), думает о людях (4), хороший организатор (4), веселый (3), не дает расслабиться (1), простой в общении (1), скрытный (1).

Пронаблюдаем переключение стилистических регистров в беседе с подчиненным (новым сотрудником компании), который пришел к руководителю со своими предложениями по оптимизации работы маркетинговой службы (тактические ходы пронумерованы, в ремарках даны коммуникативно-стилистические пометы):

1. Руководитель (далее – Р) Женщина (далее – Ж) 34 (возраст): *Заходите-заходите!* (этикетно-фатический стиль и тактика установления контакта: свойская доброжелательность интонации, улыбка, неофициальность подчеркнута повтором дружеского *заходите*)

2. Подчиненный (далее – П) Мужчина (далее – М) 28 (возраст): *Можно?* (стук в дверь, интонация подчеркнуто-вежливая, отсутствие улыбки)

3. РЖ 34: *Ну, как вам у нас?* (этикетно-фатический стиль: тактика «малого разговора», стремление вызвать на откровенность, улыбка)

4. ПМ 28: *Привыкаю* (нежелание откровенничать, отсутствие улыбки, которая является нормативной в бежабитивах и контактоустанавливающих речевых актах, и скорее негативная оценка обстановки в лаконичном *привыкаю*, которая насторожила и подготовила почву для последующего переключения стилистического регистра)

5. РЖ 34: *Слушаю вас* (аргументативно-информативный стиль с выраженным доминированием, тон полуофициальный).

6. ПМ 28: *У меня есть идея завести в EXCELL информацию о клиентах. Она будет представлена компактно, все смогут ей пользоваться...* (тезис с аргументами)

7. РЖ 34: *Что еще это нам даст?* (аргументативно-информативный стиль: доминирующий уточняющий вопрос)

8. ПМ 28: *Когда я работал на «Тверьпиво» у нас был такой порядок* (ссылка на предыдущий опыт и уход от прямого ответа с последующей дисгармонизацией диалога и отведением взгляда)

9. РЖ 34: *Очень веский аргумент* (аргументативно-информативный стиль переходит в директивно-императивный: ироничная оценка аргумента, сопровождающаяся улыбкой, которая выступает модализатором-смягчителем коммуникативной перспективы диалога)

10. Пауза (выбор стиля руководителем)

11. РЖ 34: *Я поняла, что вы хотите, но, не знаю, зачем нам это нужно* (попытка сохранить конструктивную стратегию аргументативно-информативного стиля).

12. ПМ 28: *Мне кажется, вы не поняли* (неконструктивное несогласие через Вы-подход, что стимулировало смену стиля)

13. РЖ 34: *Вы обсудили это с руководителем группы?* (доминирующий вопрос как переход к директивно-императивному стилю)

14. ПМ 28: *Пытался* (ответ-уклонение)

15. РЖ 34: *Что значит «пытался»?* (доминирующий вопрос и смена интонации на официальную).

16. ПМ 28: *Она сказала, что этим заниматься некогда* (аргумент, подчеркивающий отсутствие союзника в лице руководителя группы, воспринимается негативно)

17. РЖ 34: *Подготовьте ваше предложение в письменном виде и обсудите с руководителем* (звонит телефон) *Всё!* (директивно-императивный стиль: тактика приказа, усиленная эксплицитным завершением разговора категоричным *Всё!*)

18. ПМ 28: *Уходит молча* (негативная реакция на приказ при отсутствии формул прощания и согласия).

Исследование категории коммуникативного стиля должно проводиться с максимальным учетом прагматических компонентов, которые по причине своей неимплицитности зачастую оказываются вне поля зрения исследователя. Таким образом, приведенные размышления относительно категории стиля в соотнесении с рассмотренным эпизодом реального речевого общения позволяют сделать следующие выводы:

1. При всем разнообразии подходов к интерпретации стиля бесспорным нам видится следующее: *стиль* является не только научным термином, но представляет собой «один из ключевых культурных концептов», «достояние общеязыкового, общенационального культурного сознания» [7: 12].

2. Широкое понимание стиля как манеры, характеризующейся комплексом типических признаков, дает возможность рассматривать эту категорию многосторонне: от общественно-закономерной нормы языкового употребления (находящейся в ведении

риторики) до индивидуально-личностной манеры коммуникативной деятельности, порождающей разнообразную палитру коммуникативно значимых смыслов, что принадлежит сфере герменевтических исследований.

3. Явление коммуникативного стиля коррелирует с предметной сферой его бытования / сферой деятельности. По этой причине разумно вести речь о стилях управленческой коммуникации, соотнося их со стилями руководства.

4. В лингвистическом аспекте описание коммуникативных стилей может осуществляться с учетом дискурсивных единиц, характеризующих не только поверхностную структуру текста, но выявляющих интерактивную природу референциального выбора в дискурсе.

5. Управленческие коммуникативные стили и дискурсивные единицы, их репрезентирующие, сами по себе продолжают оставаться достаточно искусственными конструктами, инструментами препарирования дискурсивной практики, которая сама по себе многомерна и полистилистика.

6. Структурирование дискурса с помощью таких категорий, как коммуникативный стиль, речевая стратегия, речевая тактика и тактический ход [Мкртычян 2007] осуществляется, во-первых, с целью исследовательской рефлексии по поводу интеракций в сфере управленческой коммуникации, во-вторых, с целью создания модели эффективного общения и исчисления определенного набора единиц, её формирующих, которые обладают лингводидактическим потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. Учебник. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
2. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. – 374 с.
3. Веснин В.Р. Менеджмент. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 504 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. – 253 с.
5. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
6. Мкртычян С.В. Лингводидактический статус речевой тактики // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник научных трудов международной научной конференции (24 ноября 2007 г.). – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007, – 236 – 241 с.
7. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. – Вып. 7. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 11-20.
8. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.